

„POSSEV“

Sozialpolitische Rundschau in russischer Sprache. Deutschland.
Social and Political Review in Russian German.
Hebdomadaire Social et Politique en langue russe, Allemagne.
Издательство и редакция: Verlag „Posse v“
Limburg/Lahn, Deutschland.
Условие оооооооооо: 5 ном. — 3 НМ. 10 — 6 НМ и г. д.
Условия приема объявлений: 1/16 — 60 НМ. 1/8 —
100 НМ. 1/4 — 180 НМ. 1/2 — 350 НМ. 1 стр. — 700 НМ.
Bankkonto: Limburger Bank V 14. Postscheckkonto:
Frankfurt-M. 33 461.

Еженедельник общественной и политической мысли

Выходит по воскресеньям.
Цена номера в розничной продаже 70 пфен.

VI ГОД

ВОСКРЕСЕНЬЕ, 22 ОКТЯБРЯ 1950 г.

№ 43 (230)

МИФ ОБ АНТЕЕ

В. Погемский

Одной из примечательнейших сторон переживаемого ныне человечеством кризиса, как уже отмечено в социологии, является быстрота темпов современного культурного и социального развития (отнюдь не в лучшую сторону!). Хотя эта быстрота темпов характерна не для всех сторон жизни и хотя качественный рост значительно отстает от количественного, тем не менее налицо — грозное стесcendo событий, головокружительная смена «эпох». Если история XIX века могла быть уподоблена театру, где действия и акты исторической драмы, неспеша, перемежались с антрактами, то история XX-го века более похожа на кинофильм, в котором кадры следуют друг за другом с изумительной быстротой, увлекая пораженного зрителя и не давая ему времени ни опомниться, ни сосредоточиться.

Такова общая картина. Не выпадает из нее и Россия. Более того — именно у нас на родине ускорение темпов социальной жизни достигло предела: военный коммунизм, Нэп, коллективизация и индустриализация и т. д. — все это — эпохи, формально охватывающие годы, по остроте же и насыщенности содержания едва ли ни столетия.

Современная биология различает два

времени: одно — измеряемое минутами и часами, другое — измеряемое объемом происшедших в организме изменений. Так и социальное время отличается от физического. В России оно идет значительно быстрее отбываемого московскими курантами. Факт этот отмечен многими наблюдателями и не вызывает сомнений. Интересны выводы из него, в частности, пожалуй, — важнейший из них: послевоенный период в истории СССР занимает особое место и познание его не может быть почерпнуто только из опыта так называемой «новой» эмиграции, покинувшей Россию не позже конца истекшей войны. Для того, чтобы понять происходящее в нашей стране сейчас нельзя слепо применять мерки, действительные для прошлых периодов. В них надо внести существенные поправки, характер которых может быть найден только в том случае, если мы откажемся от статического взгляда на большевизм и подбольшевистскую Россию и найдем правильную динамическую формулу происходящих там явлений.

В нахождении этой формулы нам должно помочь наше четкое разграничение между властью и народом, между изменениями, происходящими по воле власти, и изменениями, подлинным автором которых должен быть признан народ.

Темпы и содержание социальных событий, определяемых этими двумя силами в разное время в неравной степени, зависели от каждой из них.

В последовавшие за «октябрем» годы ведущую роль, несомненно, играла власть. Обладая, казалось, неисчерпаемым запасом смелых планов и идей и огромным запасом творческой революционной энергии, она навязывала косной народнои массе темпы и направление социальных перемен. Коллективизация к индустриализация — апогей той стре-

мительной ломки и перестройки, которые изумили и потрясли не только наш народ, но и весь мир. Именно в этот момент Советский Союз достиг наибольшей крепости внутри и притягательности вовне. Но именно тогда начался и обратный процесс — замедления темпов, иссякания творческой инициативы. Ежовщина — уже судорога, идейно-пассивное, хотя и кровавое, сопротивление нарождающейся новой силе. Эта сила проявила себя впервые открыто и масштабно в явлении массовых сдач в плен 1941-42 г. г.

Власть, определявшая напряжение и формы социальной реформации первых пятнадцати лет после революции, стала терять свою ведущую роль и на первый план стала выходить народная стихия. Разве сталинградская победа и взятие Берлина не обусловлены в основном пробуждением российского патриотического духа? Этот дух не укладывается ни в какие ортодоксальные коммунистические рамки — он им чужд и враждебен. То, что власти пришлось оседлать в своей пропаганде патриотические мотивы и выпустить на свет Божий духи российской истории — Куликовской битвы, Ледового побоища, Бородинского сражения — конечно, указывает на большую цепкость и маневренность власти, но никак не на ее творческую динамику. Она остановилась в своем беге, уступив место ловкой тактике, мертвой пропагандной технике выдохшегося и исчерпавшего себя в созидательных возможностях бюрократического аппарата.

Если на заре большевистского владения в России агрессивная и диктаторская власть противостояла косному народу, увлекая его своим стремительным новаторством, то сейчас власти, крепкой своей хваткой, но по существу консервативной, противостоит активная народная стихия, с каждым днем все сильнее и сильнее определяющая меры самозащиты творчески бесплодного большевизма.

Разве борьба с «преклонением» перед Западом не вызвана целиком соответствующими народными настроениями?

В номере:

С. А. Левицкий
ДУША И МАСКА
БОЛЬШЕВИЗМА

Петр Крайничский
ПОЛЕТ В МОСКВУ

А. Авторханов
ПОКОРЕНИЕ ПАРТИИ